

Философия и политология

**НАГОРНЫЙ КАРАБАХ: СИТУАЦИЯ ВОКРУГ КОНФЛИКТА И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЕГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

КРЫЖАНОВСКАЯ О. А., ПЕТРОВА С. В.

**NAGORNO-KARABAKH: CONFLICT
SITUATION AND ITS DEVELOPMENT
PROSPECTS IN MODERN CONTEXT**

KRYZHANOVSKAYA O. A.,
PETROVA S. V.

The article considers South Caucasus geopolitics and the process of new self-styled states appearance: Abkhazia, South Ossetia and Nagorno-Karabakh, defines Russia's role in Nagorno-Karabakh conflict settlement and names the main directions for political conflicts settlement, listed in Mayendorfskaya Declaration.

В статье рассматриваются вопросы современной геополитики Южного Кавказа и процесс возникновения новых непризнанных государств: Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха. Определяется роль России в процессе урегулирования нагорно-карабахского конфликта и обозначаются основные направления решения политических конфликтов, изложенные в Майендорфской декларации.

Keywords: Nagorno-Karabakh, Armenia, Azerbaijan, Russia, conflict.

Ключевые слова: Нагорный Карабах, Армения, Азербайджан, Россия, конфликт.

УДК 327

Важным результатом новой геополитической ситуации, скорое даже нового регионального статус-кво, на Южном Кавказе стало изменение общего политического и психологического фона вокруг карабахского конфликта. Претерпело значительную корректировку также восприятие дальнейших процессов вокруг карабахского урегулирования внутри политических элит и обществ конфликтующих сторон. В первую очередь это проявилось в значительном снижении вероятности инициирования боевых действий в Карабахе со стороны Азербайджана и осознании этого факта политической элитой данной страны. На это особо повлияло проецирование азербайджанскими политиками и экспертами неудачной для Грузии как бывшей метрополии военной операции по возврату Южной Осетии.

Естественно, первоначально 8 августа 2008 г. многие в Азербайджане с удовлетворением восприняли известие о начале штурма Цхинвала грузинской армией, воспринимая ее как логичный пример для осуществления в последующем аналогичной операции в Нагорном Карабахе. И, вообще, надо признать, что одним из важных элементов т.н. «карабахской стратегии» Азербайджана долгое время являлась открытая и публичная угроза возобновить боевые действия в зоне конфликта. Силовой шантаж проявлялся как в заявлениях государственных и политических деятелей Азербайджана самых разных уровней, так и превалирует в настроениях большей части азербайджанской политической элиты и широкой общественности. Дополнительную аргументацию указанной политике Азербайджана в глазах его руководства и политической элиты добавляли также неопределенно высокие ожидания от роли нефтяного фактора и желания навязать Армении и Нагорному Карабаху экономически изматывающую «спираль» гонки вооружений.

Ко всему этому надо еще добавить резкое усиление за сентябрь–октябрь 2008 г. антизападных настроений среди азербайджанской элиты и дальнейшее углубление давно уже заметной исламизации страны, а также подъем прорусской «ориентации» среди части общественности Азербайджана. Но это уже скорее издержки или, вернее, результаты претворения в жизнь «азербайджанского комплементаризма» – ведь дружить с фактически победившей (пусть и довольно неожиданно) в региональной войне Россией все-таки приятнее и безопаснее, чем продолжать выступать против нее на Южном Кавказе в тандеме с еще не пришедшими в себя после августовских событий США и европейскими странами. И это в полной мере показали неудачные для американской стороны итоги блиц-визита вице-президента США Р.Чейни в Баку в начале сентября 2008 г. [1].

Еще в большей степени это соображение подтвердила последующая подпись Ильхама Алиева под текстом «Декларации трех президентов», принятой 2 ноября 2008 г. при посредничестве Москвы и фактически подразумевающей декларативный отказ официального Баку от попыток военного решения карабахского конфликта.

Впрочем, не только осознанием российской угрозы объяснялся такой крен в политической ориентации Азербайджана. В новых условиях Баку оказывается в заведомо невыгодном положении в качестве инициатора возобновления боевых действий в Карабахе. Среди политиков и экспертов, занимающихся проблемами региональной политики и безопасности Южного Кавказа, уже давно существует четкое осознание того, что Армения при любых внешних обстоятельствах всегда будет намного более «прозападной», чем Азербайджан, и одновременно восприниматься Москвой как намного более близкий региональный партнер и союзник, чем Азербайджан. Тем самым при любом геополитическом раскладе гипотетическое начало военной операции против Карабаха и Армении будет воспринято на Западе с большим неудовольствием, чем попытка Грузии в Южной Осетии, а поддержки со стороны Москвы в борьбе против военно-политического союзника России на Южном Кавказе и члена ОДКБ Азербайджан также не сможет получить. Более того, Баку никак не сможет представить на Западе ситуацию

в зоне конфликта как прямое столкновение «пророссийской» Армении и «прозападного» Азербайджана. Имеющееся на Западе политическое восприятие Нагорного Карабаха в условиях отсутствия в зоне каких-либо миротворцев или военных баз третьих стран, факта ежегодного предоставления Конгрессом США прямой финансовой помощи Степанакерту, активных контактов карабахских властей и общественности с различными европейскими организациями и структурами и т.д. – абсолютно не похоже на восприятие западными странами Абхазии и тем более Южной Осетии.

Вместе с тем проводимая официальным Ереваном политика комплементаризма за последние 19 лет независимости страны привела к тому, что на фоне очень тесного уровня политических контактов с США и европейскими странами у Армении на данный момент есть и реальные союзнические отношения с Россией и формат ОДКБ. А у России в свою очередь есть вполне конкретные обязательства перед Арменией в сфере безопасности. Хотя, конечно же, сам факт членства Армении в ОДКБ не означает, что Еревану следует надеяться, что все члены этой военно-политической организации в случае необходимости поддержат его при агрессии со стороны Азербайджана. Вряд ли можно представить себе, что казахский флот на Каспии вдруг появится у берегов Апшерона или что таджикские пехотинцы будут воевать на Карабах. Но то, что двусторонний формат армяно-российских военно-политических отношений прямо вовлекает Россию в случае возобновления военной фазы карабахского конфликта, не вызывает сомнения даже у самых воинственно настроенных политиков в Баку.

После боевых действий в Южной Осетии значительно повысились и внутривнутриполитические риски для Азербайджана в случае инициирования войны в Карабахе. Поражение в новой войне для Азербайджана будет означать не только окончательную потерю Карабаха. Результатом нового поражения Баку в войне за Карабах может стать падение правящего режима Алиевых, замена всей нынешней политической элиты Азербайджана, разрушение нефтегазового и коммуникационного секторов азербайджанской экономики, а также, возможно, и иные потери.

Оценивая первоначальные уроки «Пятидневной войны» в военно-технической сфере, в первую очередь надо отметить, что по сравнению со многими недавними локальными войнами и конфликтами августовские боевые действия в Южной Осетии отличались активным использованием тяжелой артиллерии и боевой авиации грузинской и российской сторонами.

Скоротечная «Пятидневная война» в Южной Осетии и операции абхазских сил в Кодорском ущелье показали и то, как важно в современных локальных конфликтах правильное соотношение и верное использование сторонами регулярных частей постоянной готовности и массовых контингентов резервистов. В условиях скоротечности боевых действий обернулась полным провалом массовая мобилизация грузинских резервистов, прошедших минимальную подготовку. Они не только не повысили боеспособность грузинской армии, а, скорее, наоборот: с одной стороны, массы неподготовленных резервистов перегружали коммуникации грузинских войск, с другой, – вскоре начавшаяся среди резервистов паника перекинулась на регулярные войска и местное население в грузинонаселенных анклавах Южной Осетии [2]. Кроме этого, после боев значительная часть стрелкового оружия так и осталась на руках у резервистов и не была возвращена властям, что в перспективе, естественно, будет способствовать криминализации страны.

И наоборот, очень эффективной оказалась мобилизация резервистов в самих непризнанных республиках, обеспечиваемая практически со стопроцентным результатом (с учетом того, что в Абхазии и Южной Осетии, как и в Нагорном Карабахе, резерв формируется на так называемой милиционной основе из числа практически всего мужского населения). Это связано с тем, что у населения непризнанных республик значительно более высокая мотивировка к участию в боевых действиях. Причем в рядах абхазских или осетинских резервистов удельный вес ветеранов и участников боевых действий был несравнимо выше, чем среди необстрелянных молодых грузинских резервистов. Применительно, скажем, к Нагорному Карабаху это означает, что при возобновлении боевых действий у армии обороны НКР будет больше возможностей повысить чис-

ленность своих вооруженных сил боеспособным резервом, чем у Азербайджана. Впрочем, в такой ситуации проблема с призывом резервистов может встать не только перед Азербайджаном, но и перед Арменией.

По итогам «Пятидневной войны» августа 2008 г. Абхазия и Южная Осетия для Москвы превратились в своеобразное «продолжение» Северного Кавказа, и поэтому «доступный» для России Южный Кавказ фактически ограничивается Арменией и Азербайджаном. Для того чтобы вести активную политику в регионе, Москва теперь может использовать лишь свое влияние на Ереван и Баку и то лишь в рамках проблемы, «объединяющей» эти конфликтующие стороны. Возможно, именно в силу осознания данного факта и одновременно пытаясь оставить Грузию за рамками общих политических процессов на Южном Кавказе (в частности, в контексте согласованной с Москвой региональной инициативы Турции), российское руководство осенью 2008 г. активизировало процесс карабахского урегулирования.

Технологически и первоначально эти инициативы Москвы явились чуть ли не зеркальным отражением предыдущих попыток урегулирования между Вашингтоном и Брюсселем. Однако осенью 2008 г. уже не западная инициатива столкнулась с противодействием России, а Запад всеми силами тормозил усилия Москвы протолкнуть некое соглашение, по которому роль миротворцев, разъединяющих азербайджанскую, армянскую и карабахскую стороны, стали бы выполнять российские войска.

Однако основной целью «карабахской инициативы» Кремля, как представляется, была все же попытка дезавуировать на Западе негативные политико-психологические последствия августовской войны с Грузией и признания Москвой независимости Южной Осетии и Абхазии. То есть активизация Кремля в карабахском урегулировании преследовала в реальности вполне прагматичную, пусть и несколько ограниченную цель – создание на Западе и в мировом информационно-пропагандистском пространстве некой видимости «конструктивности» действий России, способной не только вести и выигрывать войны на постсоветском пространстве против «маленьких стран» (как в августе 2008 г. против Грузии), но умеющей

урегулировать и, главное, контролировать региональные этнополитические конфликты, например, карабахский или приднестровский. Результатом всего этого и явилась подписанная президентами Армении, Азербайджана и России 2 ноября 2008 г. в подмосковном Майендорфе Декларации.

Еще более существенным фактором является динамика внешнеполитического

фона и корректировка подходов ведущих мировых и региональных игроков или же изменение существующего статус-кво в данном регионе. Впрочем, последнее обстоятельство – изменение или скорее формирование совершенно нового статус-кво на Южном Кавказе после «Пятидневной войны» – уже произошло и стало политической реальностью.

Литература

1. Габуев А., Соловьев В., Мустафаев Р., Двали Г. Дик Чейни ошибся Каспием: Ильхам Алиев не торопится поддержать проект Nabucco // Коммерсантъ. №159 (3976). 2008. 25 сент.; Kryzhanovskaya O.A., Petrova S.V. South and north ossetia political union: prospects and realization opportunitie // European researcher. 2011. № 1 (3). P. 128–130; Крыжановская О.А., Петрова С.В. Основные подходы к исследованию проявления политического национализма в современном мире // Вестник СГУТиКД. 2008. № 3–4. С. 70–76; Крыжановская О.А., Петрова С.В. Принцип самоопределения народов в условиях современного миропорядка // Вестник СГУТиКД. 2009. № 4. С.98–102.

2. До сих пор в Грузии не опубликованы данные о потерях среди резервистов в ходе августовских боев 2008 г., хотя имеются списки погибших военнослужащих Министерства обороны и сотрудников МВД. Это позволяет предположить, что, несмотря на малую эффективность использования резервистов грузинской армией, их потери в ходе боев все-таки были.

Сведения об авторах:

Крыжановская Ольга Александровна,
д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой
философии и политологии СГУТиКД (Сочи).

Петрова Светлана Владиславовна,
канд. полит. наук, доцент кафедры
философии и политологии СГУТиКД (Сочи).